

Ахмет РАФИКОВ

ОТ КАЛУГИ ДО БЕРЛИНА

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ахмет Рафиков
От Калуги до Берлина

«Татарское книжное издательство»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

Рафиков А.

От Калуги до Берлина / А. Рафиков — «Татарское книжное издательство», 2017

ISBN 978-5-298-03372-5

Автор этой повести – участник Великой Отечественной войны – описывает простую солдатскую жизнь и лично пережитое за годы службы фронтовым фельдъегерем. В центр внимания повести автор ставит простого солдата, защитившего нашу Отчизну, его душевные переживания, нравственные испытания. Писатель помнит о фронтовых друзьях и о своих погибших товарищах. Затронутые автором нравственные проблемы и сегодня актуальны. Они заставляют размышлять над понятием Родина, бережно хранить и передавать её будущим поколениям. Эта повесть – память о суровых военных годах.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

ISBN 978-5-298-03372-5

© Рафиков А., 2017
© Татарское книжное издательство, 2017

Содержание

От автора	6
Глава первая. Начало боевого пути – станция Фаянсовая	7
Мы стали солдатами	7
Первое испытание	10
Мы телефонисты	12
Пункт сбора донесений	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ахмет Рафиков
От Калуги до Берлина
(повесть-воспоминание)

© Татарское книжное издательство, 2017
© Рафиков А. М., 2017
© Шевченко С. В. перевод с татар., 2017

* * *

От автора

Фашистская Германия 22 июня 1941 года без объявления войны напала на Советский Союз. Германские солдаты совершали всевозможные преступления на территории нашей Родины. Фашистские самолёты бомбили мирные города и сёла, чувствуя безнаказанность, истребляли беженцев. Они считали себя хозяевами наших бескрайних просторов, лесов и рек, заводов и фабрик, цветущих садов. В планах фашистов было уничтожить большую часть нашего народа, а оставшихся в живых превратить в рабов.

По разрушенным улицам городов и сёл страны расхаживались немецкие солдаты Гитлера. Они принесли с собой нашему народу смерть массовыми расстрелами, виселицами, газовыми камерами, концентрационными лагерями и печами крематорий.

У советских людей тогда были только два пути: или уничтожение врага, посягнувшего на честь, свободу и достоинство Отечества, или позорное рабство у фашистских захватчиков.

Весь советский народ, как один, поднялся на беспощадную борьбу с фашизмом, чтобы отстоять свободу нашей страны. Благодаря массовому патриотизму советских людей удалось переломить ход войны и одержать победу над фашистской Германией. История не знает таких войн. Она длилась 1418 дней и ночей. Эти невыносимо тяжёлые и незабываемые дни Великой Отечественной войны написаны кровью павших в боях и в памяти наших сердец.

Эта повесть – воспоминание пережитого кошмара Великой Отечественной войны, о фронтовой дружбе однополчан, прошедших вместе долгих три года. О том, как они сражались плечом к плечу, прошли все тяготы войны, вместе делили и радость побед, и горечь потерь дорогих и близких людей. Это живая память, суровая правда о тех трагических днях нашего народа. Это воспоминания и личные переживания о военных дорогах, кровопролитных боях, освобождённых городах и сёлах. Свобода нашей Отчизны далась великими жертвами и огромными потерями. Надеюсь, что современная молодёжь, прочтя эту книгу, узнает, какое горе и страдания принесла война нашему народу.

Эти воспоминания я начал писать спустя тридцать пять лет после войны. Время неумолимо. Оно берёт своё. Некоторые имена уже забылись.

В повести описываются оборонительные бои в районе Жиздра, бои за освобождение городов Карачев, Брянск, Гомель, Минск, Варшава и взятие Берлина.

Искренне благодарю за оказанную помощь в восстановлении некоторых событий тех лет ветеранов дивизии: бывшего гвардии капитана, журналиста Б. Н. Гареева, бывшего полковника Г. М. Лосева, бывшего старшину, радиста, а ныне члена Союза художников СССР Д. В. Литько, бывшего старшего лейтенанта медицинской службы, а сегодня врача А. А. Шашова и других товарищей.

Глава первая. Начало боевого пути – станция Фаянсовая

Мы стали солдатами

*Проходит жизнь. Я памятью седою
Всё реже возвращаюсь к той войне.
Но вот глаза ребят, в горниле боя
Оставшихся навек, забыть ли мне...*

Из областного военкомата нас отправили в 325-й запасной полк, который был расположен в военной казарме за рекой Казанкой. Оставив свои вещевые мешки в казарме, мы построились в ряды и отправились в пустырь, который являлся учебным полигоном. Шла война. Поэтому старались время зря не терять. Каждое утро, как только открывались ворота казармы, громко запевая, мы отправлялись в полигон.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!..

Так, с песней «Священная война» мы познавали военную азбуку. Сначала проводилась строевая подготовка, затем с винтовками в руках шли в атаку, изучали рукопашный бой с набитыми соломой мешками – предполагаемым врагом. Слышались лишь команды: «Коротким коли!», «Длинным коли!» Потом следовала команда ползти по-пластунски. Как только доползали до окопов противника, забрасывали «врага» гранатами. С криком «Ур-ра!» бросались во вражеские окопы. Затем нас отзывали обратно, указывали на наши ошибки, и всё повторялось снова и снова. Учения продолжались с утра до вечера. Так однообразно проходили дни.

Через пару с небольшим недель такие учения порядком надоели. В один день нас отправили не в полигон, а в баню. После бани нам выдали новую военную одежду и построили в ряды. Наконец стали похожи на настоящих солдат. В этот день мы приняли военную присягу. Тут же последовал приказ: взять вещевые мешки и построиться.

На станции нас ожидал товарный состав. Мы разместились в специально оборудованном для перевозки солдат вагоне. Наш паровоз, тяжело «ухая», тронулся, набирая скорость, вагоны покатались. Вскоре скрылись из виду и Обсерватория, и васильевские величавые сосновые леса. Всё осталось позади.

– Доезжаем до Зелёного Дола! – сказал кто-то из нижней полки.

Мы с Халимом, моим другом, слезли с верхней полки и тоже подошли к выходу. Но наш поезд, оставив позади ожидающие для отправки составы, без остановки мчался дальше. Впереди простиралась Волга. Вниз по течению плыл пароход. Волны от него, раскинув объятия, доходят до берега и уходят обратно. Прекрасное зрелище! А вдаль, разделяя Волгу на две половинки, своими высокими церквями и монастырями возвышался город Свияжск. И вот правее за Волгой показались утопающие в зелени Нурлаты, Моркваши.

Издав громкий гудок, наш поезд въехал на мост. Мы все, прилипнув к двери вагона, сквозь железные балки моста смотрели на тот самый пароход, который плыл безмятежно, мирно шлёпая лопастями. Неожиданно он дал короткий гудок, на что тоненьким гудком отве-

тил буксир, который тянул баржу ему навстречу. Вот и берега Волги остались позади. Наш эшелон мчался дальше.

Кто-то затянул песню:

Будем живы – мы вернёмся,
Любимые, дождитесь нас...

Стало темнеть. Когда закрыли двери вагона, мы начали собираться к отдыху. Кто-то предупреждающе сказал:

– Отдыхайте, парни, на фронте таких нар не будет.

Вскоре в вагоне всё затихло, лишь монотонно стучали колёса.

Мы с Халимом давние друзья, коллеги по педагогической деятельности. С тех пор как выехали из Биллярского военкомата, солдатскую службу несём вместе. И на этот раз тоже оказались вместе. «Куда же нас отправят?» Такой вопрос наверняка терзал каждого. Мы с нетерпением ждали, с какой же стороны подцепят наш вагон. Про других не могу сказать, но мы хотели попасть на Западный фронт, который прославился, защищая столицу нашей Родины, или же на Ленинградский фронт.

– Выходи строиться!

Мы соскочили со своих мест, схватили шинели, вещевые мешки и посыпались из вагонов.

Солнце ещё не взошло. Наши вагоны стояли одиноко, без паровозов. С обеих сторон к железной дороге примыкал лес. Ни спереди, ни сзади никаких станций не видно. Мы быстро построились на шоссейной дороге, которая шла вдоль железнодорожных путей, и тронулись в западном направлении. Мы всё шли и шли. Красивые ивовые поляны сменялись болотистыми местами. Чем дальше уходили вглубь, тем мягче становилась земля под ногами. Стали слышны, как с грохотом взрывались снаряды, стреляли миномёты. Всё это говорило о близости фронта. Вскоре мы поняли, что стрельба идёт с трёх сторон.

Каждому тихо вкрадывалась одна лишь мысль: «Куда нас ведут? На какой стороне линии фронта мы оказались?» «Может, нас в «мешок» заводят?» – шептались некоторые.

– Товарищ лейтенант, куда мы идём?

– Не беспокойтесь, скоро всё узнаете.

Через какое-то время мы вышли на сухую поляну.

– Закуривай!

Не успели закрутить махорки, как с противоположной стороны показались наши старшие командиры. Мы уселись, окружив их дугой. Начальник политотдела Верещагин сообщил, что мы прибыли в подкрепление 323-й стрелковой дивизии, которая входит в состав 10-й армии Западного фронта. Вкратце рассказал и о своих военных дорогах. В завершение он поздравил нас с присоединением к знаменитой дивизии, заодно познакомил с международными новостями и вестями из линии фронта. С рассказом комиссара ещё недавнее внутреннее напряжение и тревожные мысли безоружных солдат постепенно рассеялись, посветлели лица.

Мы с Халимом сидели рядышком. Как только комиссар начал отвечать на вопросы, меня позвал к себе круглолицый майор. Он стал расспрашивать, кто я, откуда, какая у меня профессия, знаком ли я с лошадьми. Затем добавил:

– Я вас возьму в батальон связи. Ждите здесь!

Отдав такой приказ, он опять вошёл в круг вновь прибывших. Через некоторое время привёл ещё троих. В итоге он отобрал восемь человек.

В это время Халима тоже увели в сторону. Подбежав ко мне, он сообщил, что попал в 1086-й стрелковый полк в комендантский взвод. В свою очередь, я сообщил другу, что направлен в батальон связи. Так два друга, которые до сих пор служили вместе в одном полку запаса, оказались в разных частях одной и той же дивизии.

780-й отдельный батальон связи расположился за лесным массивом в узкой полосе соснового бора. В блиндаже моим соседом стал бывший комбайнёр из Малмыжского района Кировской области Николай Портнов. Он был ростом чуть выше меня. Я тогда не мог даже предположить, что с этим сероглазым, широкоплечим парнем, который всегда был готов прийти на помощь, значительную часть суровых фронтовых дорог придётся пройти вместе. Сколько испытаний выпало тогда на нашу долю!

Первое испытание

«Перед складом батальона встать на пост!» С приходом на фронт это было моё первое военное задание. После приказа спустился в землянку, взял ещё один патронташ, карабин и вышел.

Вдруг сверху послышались странные звуки. Что же это такое? Может, самолёт сбили? С такими мыслями я взглянул на небо. В это мгновение, задев верхушки высоких деревьев, пролетел снаряд и взорвался метров за сто от меня. Грохот от взрыва наполнил весь лес.

Я замедлил свои шаги и насторожился. Вдруг опять полетят вражеские снаряды? В это время из штабной землянки появился сержант и тут же задал вопрос:

– Что за взрыв там?

– Не могу знать, товарищ сержант, кажется, какой-то заблудший снаряд взорвался.

– Вас на пост отправили?

– Да, товарищ сержант, младший лейтенант отправил меня сначала к складу. Кладовщик это вы?

– Да, я, – ответил он, сделав в мою сторону несколько шагов. – Вон та землянка и есть твой охраняемый объект. Посматривай и на другие. На склад кроме меня никого не подпускай! Я...

Последние слова сержанта я уже не слышал. Вдруг с грохотом колыхнулась земля. Всё кругом стало ломаться, раскалываться. Это за складами один за другим начали взрываться тяжёлые снаряды.

Резким движением я припал к земле. Видимо, настолько быстрым был мой рывок, что с головы слетела пилотка. Одним движением я схватил пилотку и обеими руками стал держать её на голове. Всем телом в эти минуты прижался к земле. Снаряды взрывались то по одному, то сразу несколько. Взрывы были настолько сильные, что выносило вверх земляное крошево, корни деревьев взлетали на воздух. Хвоя и шишки сосен падали дождём. Становилось даже жутко, когда летели крупные ветки деревьев. Слева в метре от меня стояла огромная сосна. Я тихонько подполз к ней и прижался спиной к могучему дереву. Было слышно, как в толстый ствол сосны врезались чугунные осколки снарядов. На мгновение между взрывами проскальзывало затишье. Оно не успевало родить надежду, как начинался снова вой, обвальный грохот. Вдруг я почувствовал по спине сильный удар. Улучив минутку, я освободил руку от карабина и попытался прощупать спину. Оказывается, справа от меня двух-трёхметровая сосновая ветка толстым концом врезалась в землю, а одна из веток при падении ударила по моей спине. А впереди, чуть дальше с того места, откуда шёл дым, снова стали взрываться снаряды. Взрывная волна поднимала на воздух глыбы земли, переворачивала с корнем кусты. Приставив голову к дереву, я прижался к земле. «Видимо, здесь могила моя», – пробежали смиряющие с концом мысли. Казалось, что этому адскому огню не будет конца. Теперь уже невозможно было разобрать, куда снаряды падают, где взрываются. Нашу землянку покрыл густой синий дым.

Через некоторое время мне показалось, что они стали взрываться за нами. До меня перестали долетать щепки, сломанные ветки деревьев. В ствол моей сосны и чугунные осколки попадали уже реже. Земля сыпалась уже не рокошущим ливнем, а реденько. Когда упали поднятые вверх последние земляные крошки, вокруг воцарилась тишина.

В этой мёртвой тишине невозможно было поверить, что артиллерийского налёта больше нет. Лёжа под деревом, я осторожно повернул голову направо и посмотрел по сторонам. Сквозь дым было видно, что передняя часть землянки цела. Из рваных воронок поднимался сизый дым и несло вонючим запахом пороха.

Кажется, на этот раз остался жив, если снова не начнётся. Не веря самому себе, окинул взглядом окрестность. Какой ужас! Вокруг меня жуткая картина. Ветки, корни деревьев,

шишки, бесчисленное множество хвои, мусор заполняли поляну. Ведь я только утром любовался чистотой и красотой этих мест. А теперь они стали неузнаваемы.

Вдруг до меня дошли голоса. Нарушив тишину, со стороны штабной землянки шли в мою сторону трое. Это были крупного телосложения командир батальона старший лейтенант Степаненко, заведующий складом сержант Попов и старший писарь Обледков.

– Кто там лежит? Может, раненый?

– Из новеньких. Шёл на пост, к складу.

– Если бы я не остановил, попал бы в самый огонь, – добавил сержант Попов.

Не доходя до меня, старший лейтенант крикнул:

– Живой?! Раненый?!

– Кажется, не раненый, товарищ командир!

– Тогда вставай! Почему до сих пор лежишь?

– Он растерялся, товарищ лейтенант. В себя прийти не может.

Я быстро поднялся, стряхнул с себя землю и подправил пилотку.

– Под огнём первый раз? Ничего. Это только цветочки. Надо привыкать, – сердито сказал старший лейтенант. – Почему до сих пор здесь лежал? Надо было перейти в более спокойную зону. Солдат должен быть подвижным.

– Я растерялся, товарищ старший лейтенант, – ответил я, не скрывая своё состояние.

– Ничего, – сказал старший лейтенант, еле сдерживая улыбку, – научись. Война, брат, всех учит!

Командир батальона и писарь Обледков ушли в направлении расположения хозяйства взвода.

Я остался стоять перед складскими землянками в засоренной полянке. Подправив патронташ, который висел в поясном ремне, стал осматривать окрестность. Лес погрузился в тишину. От воронок, где взорвались снаряды, до сих пор дым не рассеялся. Чуть дальше, в густых зарослях, казалось, что огонь в яме всё ещё тлеет. Маленькие деревца наклонились набок, а некоторые и вовсе лежат на земле. Из глубоких ран величавых сосен торчат чугунные осколки снарядов. Их тяжёлые ветки, как сломанные крылья, висят над землёй. Я невольно взглядом стал искать ту самую сосну, которая укрыла меня от вражеской пули. На ней видны осколки, она тоже получила тяжёлое ранение. «Значит, я счастливый!» – подумал я, радуясь, что без единой царапинки остался жив. Если бы тогда сержант меня не остановил, первый же снаряд унёс бы мою жизнь. Даже деревья тихо стонут от ран. Знать бы, откуда враги поведали, что здесь находится склад? Может быть, та «рама» (самолёт-разведчик) сообщает? Наверно она... Ведь как только она улетела, тут же началась стрельба.

На другое утро наша военная жизнь началась с уборки территории. В разговоре я понял, что вчерашний артиллерийский налёт был результатом дуэли между нашими и вражескими тяжёлыми орудиями. Вполне вероятно, что если наши 152-е (артиллерийские орудия) отсюда не переедут, то фрицы могут возобновить атаку.

Мы телефонисты

Было начало августа. Мы с Николаем Портновым под руководством сержанта Толстова протягивали новую телефонную линию между дивизией и КП (командный пункт) полков. В душе мы радовались, что получили важное боевое задание. Несколько дней сержант упорно обучал нас премудростям профессии связиста. После его практических занятий мы чувствовали себя настоящими военными связистами. Настал последний день, когда мы налаживали связь КП 1086-го полка через юго-восточный берег реки Неполоть, окружённый болотами и покрытый густым бурьяном. После такого ответственного задания меня с Николаем назначили телефонистами для поддержания связи с дивизией.

Утром 10 августа я заступил на дежурство. Сижу за телефоном. Николай отправился проверять телефонную линию. После обеда мы поменялись обязанностями. Мы тщательно обходили свою территорию. И на этот раз тоже было как обычно. Николай сел за телефоном, а я отправился проверять линию. Пока я обошёл болотистые берега, проверил все заросшие кустами опасные участки, уже начало смеркаться. Вдобавок вечером прошёл дождь. Я изрядно вымок и был весь грязный.

– Слушай, только что двенадцатый звонил...

– Кто такой двенадцатый? – прервал я Николая.

– Командир дивизии полковник Гарцев. Разговаривал с полком. Он сообщил о сведениях, что враг в этом районе подтягивает дополнительные силы. Велел предупредить людей, чтобы не было неприятных неожиданностей. Затем добавил: «Поставить дополнительные посты для наблюдения за движением противника».

– Неужели немец начнёт наступление?

– Всё может быть, – с такими словами ворвался в землянку радист Василий Леонтьев. – Был разговор о подозрительном движении немцев. В прошлом месяце мы пробовали наступать, теперь, видимо, они хотят нас прощупать.

– Думаешь, будут лишь прощупывать?

У Николая было встревоженное лицо.

– А что ещё они сделают? – пробормотал Василий, укрываясь с головой шинелью. – Всё, ребята, всё! Я уже сплю.

– Ты тоже ложись, земляк, – сказал Николай. – В полночь я тебя разбужу.

Я взял шинель, лёг рядом с Василием, повернувшись к нему спиной. Не успел закрыть глаза, как всё вокруг утонуло в опрокидывающем мир взрыве. Наш блиндаж начало трясти как в лихорадке. Сверху посыпалась земля. Не успевали вздохнуть, как снова надвигался сверлящий вой и зловещее шипение блуждающих вверху осколков. В короткое затишье в блиндаж друг за другом вбежало несколько бойцов. Я тоже соскочил с места. Кто-то смачно выругался: «Снова начали, сволочи».

В дверях блиндажа показался сержант. Схватив правой рукой за пояс, а левой под коленями, он нёс не подающего признаков жизни лейтенанта. Тело лейтенанта он положил рядом со мной на сено. Голова без пилотки, волосы забиты землёй. С правого угла губ сочится кровь. Половина рукава оторвалась. Гимнастёрка смешалась с грязью. На груди повёрнутая в обратную сторону медаль «За отвагу». Пальцы правой руки были в крови. Дыхание не прослушивалось.

В дверях показался младший сержант. С ходу он спросил:

– Зачем ты его сюда занёс, сержант? Надо было отдать в руки санитарам. Они в санчасть бы отправили.

– Куда повезёшь при таком обстреле? Вот закончится налёт...

– Куда ранен?

– Рану не видно. Рядом с ним на бруствере взорвался снаряд. Я его вытащил из завалин. Руки, ноги как тесто. Это наш командир взвода.

– Это контузия, – сказал младший сержант, затягивая закрученную махорку. – Кажется, всё утихло.

– Фриц остановился, парни! Всем по местам! – скомандовал младший лейтенант.

Бойцы таким же стремительным рывком выбежали из блиндажа. Сержант тоже куда-то ушёл. Через некоторое время пришёл с носилками.

– Не поможете, товарищи, отправить лейтенанта в санчасть? Кроме вас никого нет.

Я посмотрел на Николая.

– Если не хочешь идти, то пойду я. Садись за телефон, – сказал Портнов, протягивая телефонную трубку.

– Дело не в этом. Вдруг на линии что-нибудь случится? Что будешь один делать?

– Здесь рядом, за это время ничего не случится, – добавил сержант, повернувшись в мою сторону.

Мы с сержантом положили бездыханного лейтенанта на носилки и вынесли из блиндажа.

То и дело отчётливо слышалось, как яростно визжат и давятся в помутневшем воздухе транссирующие пули. Их здесь хватает. Завывая пролетают недалеко от нас мины и взрываются где-то рядом.

– Пойдём по этой тропинке, а там рукой подать, – сказал сержант и шагнул в темноту ночи.

– Давайте знакомиться, товарищ сержант. Как вас зовут? – предложил я по дороге и первый рассказал о себе.

– А я сержант Фёдор Арсаев из роты автоматчиков. Хотя и родом из Казани, живу в городе Горловке.

– Неужели татарин? – спросил я и сразу перешёл на татарский язык. – Как же ты в Горловку попал?

– У меня отец на шахте работал. В 30-м году взял к себе и нас. С тех пор там и жили.

– Значит, тебя Фаритом зовут?

– Мать нарекла меня Фаритом. А здесь меня зовут Фёдором.

– Ой! Здесь, кажется, воронка. Не провались! Держись левее.

Раненый лейтенант вдруг застонал.

– Сейчас, сейчас, товарищ лейтенант. Осталось совсем недолго! Потерпите немного. Мы уже почти дошли, – сказал Фарит, и мы зашагали быстрее.

Сначала мы шли лесом. Когда тропинка подошла к дороге, мы повернули налево. Навстречу попадались повозки, гружённые ящиками. Наконец показалась долгожданная полянка. Около большой палатки нас остановил часовой и указал нам дорогу в блиндаж. Он оказался довольно просторным. В самом центре находился стол, где горела коптилка, сделанная из сплюснутой сверху гильзы снаряда. Слева, от задней стенки до порога тянулась деревянная кровать. На застеленной соломой плащ-палатке лежали раненые. Им уже была оказана первая помощь. Покрытый белой скатертью другой стол стоял правее. Там копошилась невысокая, необычайно хорошенькая девушка в белом халате. Из-под пилотки свисали красивые тёмные волосы. Карие глаза, чётко очерченные брови приковывали к себе взгляд. Казалось, что они излучали тепло и свет. Халат был растёгнут, поэтому хорошо просматривались два кубика лейтенанта на петлице воротника гимнастёрки.

– Раненого положите сюда, – сказала она. Сама направилась к столу, который стоял в центре блиндажа.

– Здравствуйте, Анна Александровна! – сказал Фарит, мило улыбаясь фельдшеру.

– Здравствуйте! – ответила девушка, не поднимая головы.

Она окинула взглядом раненого, взяла ножницы с соседнего стола и ловким движением отрезала рукав. Мы увидели, как выше локтя зиял огромный синяк.

– Это от сильного удара, – сообщила фельдшер, прощупывая ещё раз руку раненого. Лейтенант снова застонал. – Похоже, перелом. – С такими словами она принесла с противоположного угла блиндажа кору какого-то сухого дерева и стала бинтовать руку лейтенанта. – Подойди-ка сюда, сержант, помоги мне! Подержи вот эту кору!

До сих пор сержант непроизвольно смотрел на девушку, провожая взглядом её проворные движения, как бы украдкой, невзначай. Услышав, что его зовут помочь, он от радости одним прыжком оказался около фельдшера. Он взял кору из рук Анны и стал крепко придерживать, пока она накладывала бинт. А лейтенант снова тихо застонал.

– Осторожнее! – сказала девушка, не глядя на сержанта. – Это тебе не ствол автомата.

Сама быстрыми движениями начала бинтовать. Завязав последний узел, скомандовала:

– Теперь идите. Вас, наверное, там ждут!

– Пошли! – сказал я. Сержанту не хотелось уходить. Он продолжал смотреть на девушку, не отрывая глаз.

– Сейчас пойдём, – ответил сержант, а сам стоит как вкопанный, не может с места сдвинуться. Взглядом впился в фельдшера. А Анна Александровна, не обращая на нас никакого внимания, продолжала обрабатывать раны лейтенанта. Вот она взяла пинцет, захватив в него вату, бережно вытерла кровь из уголков губ раненого.

– Что с зубами? – спросил снова сержант, не отводя от девушки глаз.

– Зубы на месте, – сказала она, продолжая работать. – Где же его так прихватило?

Сержант будто только и ждал такого вопроса. Он мигом очутился около девушки и стал горячо рассказывать о происшедшем. Закончив рассказ о лейтенанте, он хотел было ещё что-то сказать, но не успел выговорить «Анна Александровна!» – вдруг широко открылась дверь блиндажа, и появился высокий, широкоплечий старший лейтенант.

– Здравствуй, Анна! Добрый вечер! – сказал он, протягивая девушке руку. – Проходил мимо, увидев у вас свет, зашёл проведать. У вас, оказывается, есть раненные.

– Добрый вечер, – сказала девушка и подала ему руку. – Собиралась уже ложиться спать, да вот лейтенанта привезли. Будет лежать, пока не придёт в сознание.

– А вы что здесь делаете? – спросил старший лейтенант, поворачиваясь в нашу сторону.

– А мы раненого принесли, – ответил сержант.

– Вам можно уже уходить, – сказала девушка.

Вернувшись в блиндаж связистов, я сел за телефон.

Командир дивизии полковник Гарцев расспросил о состоянии дел в полку. Затем сообщил, что в районах, расположенных от нас левее, немцы сосредотачивают большие силы, подтягивают танки, артиллерию, готовятся к наступлению. Дал приказ не отступать. Поинтересовался запасами «огурчиков» (снарядов).

Вскоре артиллерия противника открыла огонь. Возле наших дверей с грохотом колыхнулась земля. Это взорвался снаряд. От удара взрывной волны оборвался брезентовый занавес, который был вместо дверей, и сразу же обдало серным запахом. Сверху на нас посыпалась земля. В эту минуту вбежал сержант Арсаев с несколькими бойцами.

Сержант, на бегу сняв гимнастёрку, попросил одного из бойцов перевязать ему рану на руке.

– Что случилось, земляк? Сходи к Анне на перевязку, – сказал я, снимая наушники.

– Пустяковая рана, – ответил сержант, расплываясь в улыбке. – С таким пустяком пойдёшь – засмеют. Вот сейчас перевяжем – и дело с концом.

Мины взрывались одна за другой. Из-за их оглушающего гула мы уже не могли даже слышать друг друга. Казалось, что земля дрожала и стонала. Из щелей потолка продолжало сыпаться земляное крошево, запах пыли и пороха заполняли блиндаж.

Прошло несколько минут, как вражеская артиллерия открыла огонь. Мне они показались вечностью. «Скорее бы всё закончилось. Хоть бы линия осталась цела, ведь взрывная волна может всё разрушить». С такими тревожными мыслями я крепко прижал телефонную трубку к правому уху, а левое закрыл ладонью. С напряжением старался услышать позывные. Но ничего не было слышно. Около меня на угол блиндажа на корточках прижался Портнов. Лицо у него тоже было сосредоточенное.

Неожиданно нас оглушил сотрясающий грохот с противоположного угла блиндажа. Задрожали котелки, которые находились там же, на деревянных досках. Снаряд попал на дерево. Снова посыпались комья земли. Брёвна, служившие потолком, разворотило взрывной волной. На какое-то мгновение на лицах бойцов проступил ужас смерти. Они молча сползли вниз со своих мест.

Наводя ужас, напротив меня взорвался ещё один снаряд. Если бы он попал в мою сторону? Прижавшись только к стене, от неё не спасёшься.

Пока продолжал прислушиваться к звукам на другом конце провода, я и не заметил, как рокочущие снаряды стали взрываться реже, и, наконец, совсем утихло.

Сержант Арсаев соскочил с места, схватил автомат и громко скомандовал:

– Всем занять свои места!

Или никто не услышал крик сержанта, или все были настолько ошеломлены артналётом, но никто не сдвинулся с места. Сержант начал трясти бойцов. Наконец они опомнились. Сержант поднял брезент, который после обстрела ещё колыхался, и снова крикнул:

– Идите все по местам!

С автоматом в руках он вышел из блиндажа. Пришедшие в себя бойцы потянулись за сержантом. Наконец в блиндаже стало совсем тихо. «При такой стрельбе от линии связи, наверное, ничего не осталось», – думал я с тревогой. Из всех сил повернув ручку аппарата, приставил трубку к уху: «Алло! Алло! Чайка?! Я – Неман. Вы слышите меня?!» – стал посыпать позывные. Вдруг я услышал: «Неман! Я – Чайка. Куда потерялись?»

– Линия цела! – обрадовался я и посмотрел на Николая. – Я – Неман! Я вас слушаю! Что случилось?

– Ничего не случилось! Проверяю связь. А вы почему не отвечаете?

– Немец нас порядком обстрелял. Угла блиндажа как не бывало, – сказал я в трубку. В ту же минуту позвонил в блиндаж командира полка. Четвёртый не отвечал.

– Портнов, четвёртый не отвечает, – сообщил я Николаю, который в это время стряхивал с себя пыль и землю. – Беги скорее туда!

Он вмиг схватил сумку связиста и выбежал из блиндажа.

Пока он проверял целостность линии, наша артиллерия тоже открыла огонь по противнику. Стали слышны длинные пулемётные очереди.

– Немцы снова начали атаку! – сказал Николай. Он только что вернулся, проверив исправность линии связи.

– С танками? Сколько танков? – спросил я тревожным голосом.

– Пока танков не видно. С левого фланга начали наступление. Разрыв кабеля нашёл. Снарядом разорвало. Всё подсоединил. Там всё в порядке.

В это время начала стрелять и наша тяжёлая артиллерия. Мы чувствовали, что наш огонь по силе намного отстаёт от вражеского огня.

– Возьми, Николай, мне надо выйти, – сказал я, протянув ему телефонную трубку.

Николай взял трубку и сел за телефон. Я вышел из блиндажа и пошёл по траншее, затем повернул направо, посмотрел по брустверу на поле боя. Сильный огонь наших батарей накрыл нейтральную полосу дымом и гарью. Невозможно ничего разобрать.

– Где немцы? – спросил я у бойца, который вёл наблюдения.

– На полпути всех уложили. Больше не встанут! – ответил боец, указав на поле боя.

Увидев улыбку на его лице, я тоже немного успокоился.

– Вот это мы дали! Так им и надо! Пусть больше не лезут!

Через несколько минут наша тяжёлая артиллерия перестала стрелять. Было видно, как вражеские солдаты через сумрачный дым и пыль короткими перебежками уходили. Враг отступал.

Вечером меня позвал в соседний блиндаж начальник связи дивизии майор Овечкин. Они с начальником артиллерии майором Агафонцевым и ещё несколькими бойцами были здесь. Майор расспросил о состоянии линии на нашем участке.

– Зачем звали? – спросил Николай, как только я возвратился.

– Интересовался, как мы служим, много ли работы, хорошо ли знаем линию, в случае разрыва линии ночью, сможем ли наладить связь. Я сказал, что и я, и ты линию знаем хорошо, дал обещание, что связь обеспечим.

– Раз срочно позвали, думал, что-нибудь случилось. Следом за тобой стал вызывать Чайку, чтобы проверить линию, – обрадовался Николай.

– Настроение у майора хорошее, – сказал я, рассматривая свой карабин. Убедившись, что карабин в порядке, лёг немного отдохнуть.

Не успел закрыть глаза, как с шумом в блиндаж ворвались связисты полка, за ними наблюдатели, автоматчики. Оказывается, вражеская артиллерия снова открыла огонь. Послышался голос Портнова:

– Чайка! Чайка! Я – Неман! Ответьте! Приём! Чайка! Я – Неман! Куда пропали? – Затем повернулся в мою сторону и крикнул: – Ахат! Вставай скорее! Опять линию разорвало!

Я быстрым движением соскочил с места, повесил на шею телефонный аппарат, взял карабин и выбежал из блиндажа.

Вражеская артиллерия всё ещё стреляла. Но снаряды до нас не долетали, громыхали где-то неподалёку. Начало уже темнеть. В лесу, среди деревьев, вовсе ничего не стало видно. Бегу, прощупывая кабель. В темноте спотыкаюсь, снова бегу. Чтобы не наткнуться на ветки деревьев, кланяюсь каждому кусту, сгибаясь в три погибели. Казалось, что бежал целую вечность. Но это только казалось. На самом деле я ушёл совсем недалеко. До болотистого берега реки ещё столько же надо бежать. Разрыва всё ещё нет. Хоть бы на болоте не оказался разрыв. Такие мысли пугали меня.

На этом болоте и вчера со мной чуть беда не случилась. Не успел два шага пройти, как споткнулся о кочку и покатился кубарем. С головы до ног был в болотной грязи, даже глаза стали слипаться. При падении с рук соскользнул кабель и упал куда-то в сторону. По болоту особо не разгуляешься. Опасно. Вытянулся на всю длину и прощупываю вокруг. Нет кабеля – и всё тут. К счастью, он оказался прямо под ногами.

Вот и сегодня всё моё желание – чтобы только не на болоте оказался разрыв кабеля. На сухом месте наладить связь не составляет труда. А если разрыв в болоте? Что тогда? С ума сойдёшь, пока его отыщешь. А если провалишься и тебя проглотит болото? Пропала тогда твоя жизнь, и КП останется без связи. Неизвестен этот зловеющий мир, в который я вступил, неизвестно, как всё обернётся. Снова проверяю, снова тяну провод.

Стало слышно, как свистят и рассыпаются громким треском по земле снаряды. Деревья стали реже, значит, до болота осталось где-то метров сто пятьдесят. Бегу дальше. Снаряды с визгом пролетают надо мной и взрываются где-то правее от меня. На всякий случай бегу согнувшись по пояс. Вскоре почувствовал, как земля под ногами становится мягче. Значит, я добежал до болота. Снова проверяю кабель, пробую тянуть. Нет разрыва. На той стороне, недалеко от болота, проходит шоссе, которая пересекает телефонную линию, затем она уходит вверх на небольшой холмик и тянется параллельно нашей линии. Возможно, разрыв там. Кабель мог попасть под колёса машин и оборваться. С такими пугающими мыслями я уже иду по ночному сумрачному болоту. Кабель скользит по рукам, стараюсь не потерять провод.

Местами кабель висит на деревьях, кое-где свисает до болота. Здесь надо быть предельно осторожным. Неудачный шаг в сторону может оказаться роковым. Поэтому приходится двигаться медленно. Кажется, дошёл до середины, а разрыв всё ещё не обнаруживается. Попробовал ещё раз потянуть. Проклятье! Снова выронил кабель из рук. Как это некстати! Стал руками шарить вокруг. Нет и всё тут! Кругом это смрадное болото. На расстоянии вытянутой руки прощупываю, а его нет и нет. Что же делать? На душе тревожно. Неожиданно нога соскользнула вправо и провалилась в топкое место. Я резко откинулся назад и в ту же секунду шлёпнулся в жижу на левый бок. Когда начал подниматься, правой рукой нащупал конец кабеля. С ног до головы я оказался мокрым и грязным. Быстрым движением схватил кабель, ругая себя на чём свет стоит за неосторожность, и зашагал дальше. Тихонько двигаю кабель по руке, проверяю, но пока разрыв не обнаруживаю. Мне казалось, что не будет конца этому проклятому болоту. Ведь на мне лежит огромная ответственность. КП ждёт связи, волнуется, может быть, и сердится. Неожиданно позади меня снова начались выстрелы. Я ещё не нашёл разрыва, а вдруг и там разорвётся? Где уже прошёл? Подозрительные мысли сверлили моё сознание.

Наконец почувствовал, что под ногами стала прибывать вода. Значит, я почти вышел. В двух-трёх метрах до берега имеется участок с твёрдым дном и более чистой водой. Не успел обрадоваться, как поскользнулся и всем телом шлёпнулся в воду. Что делать, выплёвывая грязную воду, стал выбираться из этой ямы. Оказывается, сюда упал снаряд. Поэтому яма для меня была неожиданностью. На этот раз кабель держал крепко, не отпускал из рук. Попробовал потянуть, а он расслаблен. Моё чутьё меня не обмануло – разрыв линии был здесь. Выловил из воды свой карабин, который слетел с шеи при падении, и поспешил на сухое место. Привязал один конец кабеля к карабину, а карабин воткнул в землю. Сам направился снова к болоту искать второй конец кабеля. Опускаюсь на колени и прощупываю кругом. Не находится никак. Захожу подальше, снова ложусь на кочки, ищу. Вдруг что-то твёрдое задело мою руку. Он! Родимый! Нашёл! Обмотал его на руку и направился к карабину. Открыл телефонный аппарат и, наконец, после долгих мучений соединил концы с концами. В одно мгновение повернул ручку аппарата и крикнул в трубку: «Неман! Неман!» «Я – Неман!» – ответил тут же на другом конце Портнов.

– Николай! Я на другой стороне болота. Сейчас буду вызывать Чайку, – сказал я взволнованно. – Чайка! Чайка! Ответь! Приём! Чайка! – Нет, не отвечает. Видимо, где-то ещё есть разрыв. – Чайка! Чайка! Ты меня слышишь? Приём! Чайка! Я – Неман! Ответь!

– Я – Чайка! – вдруг послышалось в трубке.

– Неман! Слышишь меня? Чайка отвечает! – прокричал я в трубку. Из КП Портнов тут же вошёл в связь. Только убедившись, что на линии стали слышны разговоры, я замотал соединения изоляционной лентой и положил трубки аппарата в коробку. Дело сделано. Довольный своей работой, закрыл крышку коробки и повесил аппарат за ремень на шею. Только теперь почувствовал, что с головы до пят мокрый. От болотной грязи пахло противно. Э-эх! Разве в мирное время стали бы ходить по таким местам? Обошли бы! Ничего не поделаешь. Здесь фронт, который не подчиняется человеческому разуму. У него свои законы, свои принципы. Опять придётся шагать по этому противному болоту. Надо быть осторожным и держаться телефонной линии. Ведь ночь темна и скрытна. Хорошо бы пройти без приключений! Неожиданно за спиной, чуть дальше от меня, послышался гул машин. Фары были потушены. Не доезжая до болота, машины свернули и проехали совсем близко от меня. Дорога проходила рядом с болотом. Машины подпрыгивали на кочках как на волнах. На этом месте включили и фары. Свет от фар то появлялся на гребне, то тонул и вновь появлялся. Чем дальше они уходили, тем сильнее крепчал моторный гул машин, раздирая ночную тишину.

Прошло совсем немного времени, как с юго-западной стороны противника загремели выстрелы, засвистели в воздухе снаряды. Несколько снарядов, завывая, пролетели надо мной в

сторону отъехавших машин. Значит, дорога около болота врагом частично просматривается. Ведь свет от фар время от времени освещает верхушки деревьев. А фрицу и этого достаточно.

Я обошёл ту самую воронку, где недавно искупался. Держась за кабель, иду вглубь болота осторожно, не торопясь. Только слышу, как булькает под ногами болотная грязь. Наконец, я вышел на сухое место. Вся одежда пропиталась болотным запахом. По мокрому телу, под прилипшей к спине гимнастёркой шершавыми змейками полз озноб, который перешёл в дрожь. С каждой минутой дрожь усиливалась, она напомнила мне детство. Тогда нас – мальчишек после долгого купания в холодной воде охватывала такая же дрожь. Переодевшись в сухую одежду, мы прыгали, скакали – так и согревались. Но здесь такой номер не пройдёт. Хоть бы вода была чистая. А тут болотная жижа. Надо бы переодеться. Но как? Метров двести от болота тянется редкий лесок. Такую возможность нельзя упустить. Попробовал бежать. Ничего не вышло из этой затеи. Дрожь овладела всем телом. Вот уже начался настоящий лес. Сквозь крупные деревья вскоре ничего не стало видно. Пришлось идти медленнее.

Неожиданно с грохотом колыхнулась земля, и снова засвистели снаряды. Я быстрым движением прижался к земле. Стараясь найти укромное место, пополз дальше и вдруг оказался на краю воронки, образованной от взрыва снаряда. Я осторожно сполз туда. Снаряды взрывались один за другим. Всё кругом снова стало рушиться, грохот сотрясал воздух. На меня посыпалась земля, ветки деревьев. А я всё сильнее обнимал землю и продолжал сползать на дно воронки. На этот раз я уже не был в таком шоковом состоянии, как в первые дни на фронте. Несмотря на это, чем ближе рвались снаряды, тем боязливее становилось на душе. Как говорится, душа каждому дорога. Умирать никому не хочется.

В сырой воронке я пролежал довольно долго. Хорошо ещё там воды нет. «Сам виноват!» – промелькнуло в моём сознании. Надо было бежать быстрее. Тогда бы не попал под налёт. Если бы это случилось днём, даже в минутном затишье можно было найти более удобное место для укрытия, чтобы двигаться вперёд. А здесь в ночной темноте, среди деревьев куда побежишь?

Вдруг показалось, что наступил очередной просвет. Даже не верится. Я быстро встал и изо всех сил побежал вперёд. Не успел пробежать около сорока – пятидесяти шагов, как яростно завизжали мины. И вот оглушающий свист. На всякий случай, пока она не разорвалась, одним рывком припадаю к земле. При падении головой сильно ударился об дерево, даже искры из глаз посыпались. Обняв голову руками, лежу под деревом и на чём свет стоит ругаю немца, что не даёт никакой передышки. Боль немного стала утихать. Наконец долгожданное затишье. Я быстро поднялся и снова побежал, пока не начали стрелять. Сквозь верхушки деревьев был виден свет ночного неба. Ориентируясь на них, рванул вперёд.

До КП осталось немного. «Если к моему приходу связь будет цела, то из вещевого мешка достану чистую одежду и переоденусь», – размышлял я. В это мгновение правая нога угодила в очередную воронку, и я снова полетел на дно. Вот невезуха! Вдобавок правой щекой больно ударился о телефонный аппарат! Губу разбил, оттуда стала сочиться кровь. Только этого не хватало! Я громко выругался. Что за проклятая чёртом дорога оказалась сегодня?! Выкарабкался из этой воронки, отыскал карабин, снова повесил телефонный аппарат на шею и двинулся вперёд. Потрогал нижнюю губу, она распухла как пышная булочка. Впереди показалась лесная опушка. Наконец я дошёл.

Первым, кого я увидел, был майор Овечкин, который стоял возле Портнова. «Ах, видимо, снова разорвалась линия! Майор наверняка зашёл по этому поводу!» – тут же промелькнуло, и я испуганными глазами посмотрел на Николая. Лицо его выражало спокойствие.

– Товарищ майор! Рядовой Рахимов, ликвидировав разрыв, вернулся с линии, – отработовал я, подняв правую руку под козырёк.

– Хорошо! Молодец! Где это вы так? – спросил майор, окинув меня взглядом. – Ранен?

– Нет, товарищ майор, не ранен. В болоте попал в воронку, заполненную грязной водой.

Затем я рассказал майору причину вражеских налётов с той стороны болота и что телефонная линия тоже именно там разорвалась. Как только майор ушёл, я вытащил чистую одежду и стал переодеваться. Почуввав сухую одежду, по жилам побежало тепло. Стало хорошо на душе. Мокрые портянки, одежду отжал, стряхнул хорошенько и повесил сушиться.

– На ужин пшённую кашу принёс Игнатъев, – сказал Николай, показав на котелок, который сиротливо стоял в стороне. – Садись, кушай!

– Я пить хочу сильно, потом боюсь пока есть пшённую кашу. Без того невыносимо мучает изжога. Даже вода обжигает пищевод.

– У меня есть холодный чай, на, попей! – сказал Василий, протягивая свою фляжку. – Тебе, земляк, от изжоги надо есть мел. Моя мать всегда так делает.

– Где ты здесь найдёшь мел? – спросил я, держа в руках фляжку.

Радист нашего полка Василий Игнатъев родом из Чебоксар. Мы с ним познакомились только вчера. Несмотря на это, уже успели подружиться. Василий обрадовался, узнав, что я из Татарстана. Я ему сообщил, что и Николай Портнов тоже наш земляк. На фронте земляки становятся как родственники.

– Большое спасибо, земляк, – сказал я, попив чаю из фляжки. – Было очень вкусно. А то всё внутри начинало гореть...

– погоди, у меня где-то кусочек должен быть. Сейчас, – с такими словами он взял свой вещевой мешок. – Вот, нашёл! Мама говорила, что даже маленький кусочек даст облегчение, – и протянул мне мел.

– Где это ты взял, Василий?

– В Кирове попали в одну школу. Там мы очищали пустое помещение. В школе и взял. Во время оккупации там жили немцы. К сожалению, от школы остались лишь стены. Сожгли всё: столы, парты, доски, даже шкафы в кабинетах. Школой уже не назовёшь. Одни руины остались. Раньше я немцев считал культурным народом. Своё зверство они показали на весь мир.

– Когда фашисты во главе с Гитлером пришли к власти, стали устанавливать свои «новые порядки». Сначала уничтожили памятники культуры, затем сожгли книги Маркса, Гейне. Коммунистов и тех, кто выступал против «новых порядков», отправляли в тюрьмы, концлагеря. Потому, Василий, даже не надейся, что ворвавшись в нашу страну, они начнут по-другому поступать, – ответил я, положив в рот половинку того кусочка мела. – Планы у гитлеровцев грандиозные. Они не ограничатся только завоеванием жизненно важных территорий. Им необходимо превратить нашу страну с его плодородными землями в немецкие колонии, а себя сделать колонизаторами. А коммунистов, комсомольцев и всех тех, кто выступает против их «новых порядков», они хотят истребить или превратить в рабов.

– Но не бывать этому, пусть не мечтает немец, – сказал Василий, перебивая меня. – Они уже показали своё истинное лицо. Я лучше пулю в лоб пущу, чем попасть им в лапы.

– Не спеши пускать в себя пулю, брат. Если каждый начнёт пускать пулю, кто врага будет гнать?

– Да вы меня не поняли. Я просто хотел сказать, что живым никогда не сдамся.

– Понятно, а пока нам надо воевать и воевать. Видишь, как сатанеет фриц? Хочет прорвать оборону с левого фланга и пройти в тыл. Слышал, как полковник говорил? Слева в соседнем районе вчера танки при поддержке авиации раз пять поднимались в атаку. Говорят, что в некоторых участках даже немного продвинулись вперёд. Наши дела по сравнению с ними, оказывается, ещё ничего. Здесь нет ни танков, ни авиации.

– Давайте, парни, ложитесь спать. Будут ещё и самолёты, и танки, – прервал Портнова боец средних лет.

На другой день я проснулся рано. Солнце ещё не подрумянило своими лучами край неба. Послышался взрыв, который ухнул где-то недалеко. Я достал ещё не высохшую гимнастёрку, брюки, обулся в сухие ботинки и быстро вышел из блиндажа.

На линии фронта установилось временное затишье. Сегодня будет пасмурно. От этой тишины на душе нарастала тревога. «Неужели и сегодня будет также бесноваться этот фриц? – подумал я, вспомнив вчерашний день. – Если б только как вчера, то ещё терпимо. А если в бой вступят танки и самолёты? Что тогда?»

С левой стороны фронта затрещал пулемёт. Тут же с противоположной стороны тоже открыли огонь. Я быстро вбежал в блиндаж.

– Звонил старший лейтенант Степаненко, – сообщил Николай, бросив взгляд в мою сторону. – Приказал поднять кабель, который лежит на болоте, и прикрепить его на палки. Навстречу идёт боец из «Чайки». Я пошёл туда.

Николай быстро собрался и выбежал из блиндажа. В это мгновение вражеская артиллерия открыла огонь. Портнов и ещё несколько бойцов вбежали обратно в блиндаж.

– Готовится к наступлению фриц! Стреляет со всех видов оружия, – сказал он и выгасил небольшой мешочек. Мы закурили махорку и закурили. Глядя на нас, остальные тоже задымили.

Вражеская артиллерия продолжала вести огонь. Казалось, что это никогда не кончится.

Николай после нескольких быстрых затыжек соскочил с места. Нагрузившись запасным кабелем и телефонным аппаратом, он направился к выходу.

Я стал с напряжением ждать окончания сегодняшнего налёта. Эти минуты были такие длинные! В блиндаже иногда слышались обрывки разговоров куривших бойцов. Они смешались с рвущими воздух пулемётными очередями. Поэтому невозможно было разобрать, о чём солдаты говорят. Я пристально смотрел на лица и пытался понять по их выражениям хоть что-нибудь. В сосредоточенных лицах особой тревоги не было. Я крепко прижал телефонную трубку к уху, чтобы не пропустить даже малейшего звука. Стал напряжённо ждать окончания артиллерийской подготовки врага. Казалось, что вражеский огонь уничтожил части, которые держали переднюю линию обороны. Вот-вот закончится стрельба, и немцы бросятся в атаку и свободно пойдут на наши позиции.

Вдруг в трубке аппарата прозвучало:

– Неман! Неман!

– Я – Неман! Чайка, это ты? Я тебя слушаю! Соединить с четвёртым? Сейчас!

Я в ту же минуту соединил с командиром полка.

– Чайка! Говорите! Четвёртый слушает! – У аппарата был командир дивизии Иван Александрович Гарцев. Он стал расспрашивать о положении дел. – Бойцов накормили? Как настроение?

– Настроение у солдат боевое. Накормлены. Каждый на своём посту.

– Держитесь крепко! Не давайте врагу поднять голову. Приготовьте снаряды против танков. В танки стреляйте прямой наводкой!

Затем он пожелал успехов в контратаке. Он был спокоен. Его спокойствие перешло и ко мне. Я перестал волноваться, тревожные мысли куда-то растворились.

В течение дня вражеское войско трижды нас атаковало, всякий раз проводив артподготовку. Наша миномётная артиллерия их встречала смертельным огнём, и враг отступал, оставляя на поле боя несколько десятков своих солдат. Особенно последняя атака врага потерпела сокрушительное поражение. На этот раз у противника были большие потери.

Линия связи тоже «держалась» неплохо. Всего один раз она оборвалась. Разрыв на этот раз оказался рядом – недалеко от блиндажа. Николаю, после того как вернулся выполнив задание командира батальона, дали небольшой отдых. Вечером он заменил меня. Теперь у аппарата сидел Николай. А я, дождавшись затишья, побежал на ужин.

Я порядком проголодался. Ведь сегодня не довелось ни позавтракать, ни пообедать. Казалось, что живот уже к спине прилип. Не успел вернуться из кухни, как Николай тут же окликнул:

– Везёт же тебе, земляк, опять линия не работает. Не успеешь дать мне телефонную трубку, так сразу убегаешь.

Что поделаешь? Последнее время так и происходит. Я был рад тому, что на этот раз приходится идти в светлое время суток.

С момента наступления немцев линия связи стала разрываться, когда я находился у аппарата. Дня четыре назад, когда Николай ушёл на линию, он надолго задержался. Я уже не находил себе места, когда услышал в трубке его голос. Он бежал через болото сквозь пули и снаряды. «Разрыв нашёл, всё соединил, возвращаюсь!» – сказал Николай. По моим предположениям, минут через десять – пятнадцать он должен был быть на месте. А его всё не было. Прошло ещё немного времени. Вдруг смотрю, передо мной стоит с ног до головы весь в чёрной болотной грязи Николай.

Не успел он появиться на пороге, как сидящие в блиндаже бойцы, схватившись за животы, начали хохотать.

– Ты что? Готовишься к психической атаке?

– Ну, ребята! Вот кого надо отправлять навстречу немцу!

– Портнов, ты, что ли? – сказал удивлённо только что вошедший Василий. – Где ты нашёл такую маскировку?

– Смейтесь, смейтесь, – промолвил Николай. Некоторое время он стоял растерянный, не зная что ответить. Не столько смешным, сколько жалким был его вид. Сквозь болотную жижу лишь глаза и зубы блестели. Промокший до нитки, грязный, он стоял перед нами.

– Скорее раздевайся, Николай, – сказал я, сочувствуя ему. – Ты даже меня переплюнул.

– Может, объяснишь? – обратился к нему Серёжа. – Чего молчишь? Слова не вытянешь!

– Что тут объяснять? И так всё видно, – ответил Николай, снимая мокрую одежду. – Проклятый фриц как начал стрелять, в темноте не заметил и свалился в воронку, наполненную грязной водой. Хорошо, успел выйти из топкого места, а то точно засосало бы. Сволочь! Даже ночью не перестаёт. Вдобавок ещё и дождь прошёл.

Он ещё раз покрыл немца отборным матом. Затем снял мокрую рубашку, развязал портянки.

– Твой ужин в котелке, Николай. Ребята принесли. Поешь, хорошенько укройся шинелью и ложись. Утром я тебя разбужу, – сказал я, когда он уже полностью переоделся.

Сегодня пятый день, как немцы атакуют. Наш участок в последнее время они без конца тревожили артиллерийским и миномётным огнём. Слева от нас до сих пор ведут атаку танки, которых поддерживает авиация. Как бы ни старался враг прорвать нашу оборону, достичь этой цели он не мог.

Наступление гитлеровцев в направлении Сухиничи продолжалось до 19 августа. Затем по сообщениям Совинформбюро мы узнали, что фашисты здесь потеряли около двухсот танков, более десяти тысяч солдат и офицеров. Только после таких крупных потерь они отказались вести наступательные бои.

Пункт сбора донесений

Наступили последние дни августа. Как только контрнаступление врага приостановилось и на передовой установилось затишье, мы оставили КП и вернулись на место расположения роты. На другой день начали ремонтировать кабель и катушки для кабеля. Вскоре меня отправили на склад батальона за вещами. Склад находился недалеко от штаба. Но он был закрыт.

Когда возвращался обратно в штаб, встретился с начальником связи дивизии майором Овечкиным. Как положено по уставу, я отдал честь, поздоровался, хотел было уйти, как майор меня окликнул:

- Твоя фамилия, кажется, Рахимов?
- Так точно, товарищ майор! – ответил я, немного сконфузившись.
- Учитель из Татарии? Коней хорошо знаешь? Пошли за мной!

Он направился в сторону штаба батальона. Я тоже пошёл за ним. Когда зашли в землянку, где располагался штаб, он спросил командира батальона лейтенанта Степаненко. Его не было. Тогда он приказал старшему писарю Обледкову срочно найти лейтенанта Степаненко и отправить его к нему. Мне было разрешено уйти. С какой целью майор сегодня водил меня с собой, для меня осталось загадкой. Ночью долго не мог заснуть, всё думал о прошедшем дне. Я не мог ни в чём провиниться, все поручения выполнял точно. Эти мысли не покидали меня и тогда, когда заступил на дежурство.

Вчерашняя тайна раскрылась только на кухне. Меня вызвал комбат и сказал басовитым голосом:

- После завтрака собери вещи и отправляйся во взвод ПСД (пункт сбора донесений). Егорову скажешь, что старший лейтенант отправил. Понятно?
- Товарищ старший лейтенант, что я там буду делать?
- Конным связистом будешь. Не всё ли равно тебе, кем будешь? На войне не спрашивают, а выполняют! – рассердился он.
- Есть, товарищ старший лейтенант, отправиться во взвод ПСД!

Тут я понял, что это был приказ майора. Оказывается, в ПСД должны были быть шесть конных связистов. Их называли конными военными курьерами. Пока там числились всего четыре. Пятым прибыл я. Командир взвода младший лейтенант Егоров мне знаком с первых дней пребывания в батальоне связи. Сказать по правде, он ещё тогда нам порядком надоел своим оглушающим «Шире шаг!», «Строевым!», «Выше, выше ноги!», «Раз, два!». Поэтому, как только прибыл на место назначения, я по-армейски выпрямился и чётким шагом подошёл к лейтенанту. Поднеся руку под козырёк, отчеканил:

– Товарищ младший лейтенант! По приказанию командира батальона рядовой Рахимов прибыл в ваше распоряжение!

Младший лейтенант улыбнулся своими пухлыми губами и крикнул старшине, который стоял недалеко и с кем-то разговаривал:

- Старшина! Тебе прибыло пополнение! Принимай!

Судя по выражению лица, лейтенант знал о моём прибытии. Потому вопросы не стал задавать. Старшина тоже подошёл к нам. Это был коренастый, широкоплечий, среднего роста человек. Лицо было покрыто веснушками. Голубые глаза смотрели довольно строго. Из-под пилотки торчали светло-русые волосы.

– Командир отделения старшина Дружинин. Будем знакомы! – такими словами он протянул руку.

- Рядовой Рахимов, служил телефонистом, а теперь направили к вам.
- Товарищ младший лейтенант, для него у нас пока коня нет, что будем делать?
- Конь будет. Пока будет ходить пешком. Пусть пока учится. Так сказал майор.

– Понятно! – сказал старшина. – Пошли Рахимов, покажу, где тебе устраиваться.

Мы вошли в небольшую землянку. По всей длине землянки из длинных стволов деревьев сооружены лежанки. На них постелено сено, а сверху покрыто плащ-палаткой. Около лежанок находятся вещевые мешки бойцов, пребывающих здесь. Считаю: шесть мешков. Значит, я прибыл седьмым. Тесновато будет, конечно. Справа на столбе висят противогазы. Слева на полке стоят котелки и кружки. Напротив двери небольшой стол. Он тоже сделан из подручного материала. У другой стенки стояли скамейки.

– Мешок свой положи туда же, где остальные, и пошли на занятие. Устроишься вечером после занятий.

Мы подошли к трём бойцам, которые стояли чуть в стороне.

– К нам пришло пополнение, с сегодняшнего дня нас пятеро, – объявил старшина.

Среднего роста, с саблевидным носом и тонкими губами боец лёгким шагом вышел вперёд, улыбаясь протянул мне руку и сказал:

– Павел Вислогузов, заслуженный охотник из Моршанска. Вы откуда? Кем приходитесь?

– Ахат Рахимов из Татарстана, был учителем.

Средних лет, с веснушчатым лицом, коренастый боец, который на вид казался старше, тоже протянул руку.

– Василий Утишев.

Не успел он проговорить, как Вислогузов подшутил:

– На гражданке он был директором спиртного завода.

– Вы его не слушайте, он шутит, я там работал слесарем.

Чуть в сторонке стоял и курил круглолицый, на вид угрюмый боец. Начинаясь седина на висках придавала ему выражение усталого, много видевшего человека.

– А этого товарища нужно величать Пал Палычем. Он четвёртый наездник. Сам стоит в стороне, а душой с нами. Махорку сворачивает вместе, а курит отдельно. Ты на него не обращай внимания. Через неделю он начнёт здороваться.

– Хватит тебе, Павел! – оборвал его старшина сердито. – Пошли, нас лейтенант ждёт.

Так я вошёл в новую фронтową семью совершенно незнакомых бойцов, где придётся нести военную службу.

В ПСД нас пять человек. Командир отделения старшина Дружинин очень хороший человек. Говорит мало, совсем не умеет сердиться, справедливый. Любит, когда работа выполняется добросовестно. Стараётся быть в хороших отношениях с товарищами. Необдуманные решения не принимает. Перед тем как начать разговор или во время беседы говорит кратко, часто повторяя слово «чёрт» и при этом сплюнув в сторону. Старшина и меня принял добродушно. Буквально через несколько минут мы уже вели товарищескую беседу. Если приходилось идти по какому-либо поручению вдвоём, то он непременно брал меня с собой. Позже, когда узнал достаточно хорошо, на более ответственные задания он отправлял меня одного.

А вот Павел Ильич Вислогузов среди бойцов самый лёгкий на подъём, самый трудолюбивый. И на коне держался легко и непринуждённо. И коня, и сбрую, и обувь всегда держал в чистоте. Был настоящим аккуратистом. Карабин и саблю всегда содержал в полном порядке. Белый воротничок гимнастёрки сверкал от белизны. Он умудрялся его менять даже в самые загруженные дни. Отличался точностью выполнения боевых заданий. В свободное время он развлекал нас интересными историями из охотничьей жизни. А их у него было много.

Вот такой со всех сторон образцовый боец, которому давно перевалило за сорок, с первых дней нашего знакомства обращался ко мне: «Эй ты, казанский!» В этой иронии, видимо, подразумевалось: «Эй ты, казанский татарин, посмотрим, на что ты способен!» По крайней мере я вкладывал в эти слова такой смысл. Поскольку все были старше меня лет на десять – двенадцать, я обращался к ним уважительно: «Павел Ильич, Василий Иванович!» Любое поручение выполнял добросовестно, иногда и лучше моих старших товарищей. В свободное

время сообщал вести, услышанные по радио или прочитанные из газет, рассказывал о международных новостях, проводил беседы об истории фашизма, о том, как Гитлер пришёл к власти. Потихоньку ко мне стали относиться по-другому. Спустя две недели Павел Ильич уже обращался: «Рахимов, друг казанский» или «Слушай, учитель, как ты на это смотришь?» Вскоре Павел Ильич Вислогузов, Василий Иванович Утишев и я крепко подружились.

А вот Павлов оказался человеком суровым и серьёзным. Если первым не заговорить, то он мог не сказать на протяжении всего дня ни одного слова. Тяжело с таким человеком, особенно при выполнении боевых заданий. На коне может ехать, как «всадник без головы». Даже тогда, когда бойцы после «наркомовской нормы» навеселе пели песни, он сидел молча. Мог пить до упаду и не проронить ни слова.

Василий Иванович Утишев – полная противоположность Павлову. Бескорыстный, открытый человек. Что внутри, то у него и снаружи. В свободные минуты закручивал папиросу «козью ножку», садился в укромное место и затягивал протяжные песни. У него был удивительно красивый голос. К тому же знал много старинных и современных песен. Мы все его слушали, затаив дыхание. Он умел их талантливо преподнести слушателю. Как начнёт закручивать махорку, так сначала всем раздаст клочки бумаги. Если доводилось получить «наркомовскую норму», щёки его розовели, а с тонких губ не сходила улыбка.

Таким образом, между нами воцарился прочный мир. Мы, как давние друзья, друг друга уважали и понимали. Если надо, готовы были идти на выручку. Это была настоящая фронтовая, крепкая мужская дружба. Эту дружбу мы пронесли по фронтовым дорогам, когда гнали фашиста с нашей земли.

А вот между мной и сержантом Аристовым, кажется, пробежала чёрная кошка. Однако не буду пока торопиться об этом сообщать. Сначала расскажу о том, как он меня встретил.

На второй день моего пребывания здесь старшина Дружинин сообщил: «Рахимов, тебя вызывает сержант. Отправляйся в землянку ПСД!»

Взяв патронташ и карабин, я пошёл в назначенное место.

Сержант Василий Аристов – главный экспедитор ПСД. По своему росту он уступал только старшине взвода ПСД товарищу Дружинину. Его маленькие глаза сквозь густые рыжие брови сверкали хищным выражением. Длинный неуклюжий нос поверх небольшого рта, продавленные худые щёки подчёркивали его нагловатость и эгоистичность. Даже стройность не могла скрыть его надменность.

Сержант своим басовитым голосом к людям обращался исключительно по фамилии. Его не смущал даже возраст. Даже старшину, который старше его лет на десять, он мог позвать, выдувая воздух сквозь ноздри, строго по фамилии. Всегда держал себя высокомерно, хотя и было у него обучение всего шесть классов, а петушился, будто имел высшее образование. Ни с кем не считался, в удобных случаях старался обязательно высмеять других. Говорят, что он до войны работал в городе Тамбове оператором на одном из почтовых отделений. «Я до войны был начальником почты», – любил он похвастаться, когда начинал говорить о себе. Строил из себя командира.

Когда я впервые зашёл в землянку ПСД с рапортом о своём прибытии по его же вызову, он, не оборачиваясь в мою сторону, почти оборвав, с чувством собственного достоинства спросил:

– Рахимов, откуда? Русским языком владеешь?

– Я из Татарстана, товарищ сержант, по национальности татарин, русский язык знаю. Обучение в техникуме было на русском языке.

А он, снова не глядя в мою сторону, изобразив кривую улыбку, сказал:

– Тебе здесь трудно будет. Придётся с секретными документами носиться по лесам, по незнакомым местам. В таких условиях искать адресата непросто. Это тебе не письма разносить

по адресам. Придётся быть и на передовой. Для вручения пакета адресата придётся искать не только в лесах, но и в окопах. А ещё непременно надо уметь ездить верхом на лошади...

Сержант хотел ещё что-то сказать, но в этот момент зазвонил телефон. После разговора по телефону повернулся ко мне и произнёс, ехидно улыбаясь:

– Тебе надо было идти в хозяйственный взвод.

Такая встреча с сержантом не доставила мне никакого удовольствия. Тем не менее я держался спокойно.

– Спасибо за совет, товарищ сержант. Меня выбрал для этой службы майор батальона связи товарищ Овечкин. Я бывал и на передовой, и на КП. До сих пор был линейным телефонистом и лошадей хорошо знаю. Сюда прибыл по приказу майора.

– Ну-ну, – ответил сержант, слегка приподняв голову. – Ладно. Поживём – увидим. Сейчас получишь пакеты для отделения дивизии. Распишись в реестре. При вручении пусть тоже распишутся. Один пакет с сургучом, остальные простые.

Я расписался в реестре за каждый конверт и направился к выходу.

– Разве у тебя нет сумки? Документы в руках не носят.

– Сумки нет, товарищ сержант. Положу их в сумку от противогаза.

– Вот возьми, потом вернёшь, – сержант протянул мне потёртую полевую сумку. – Надо получить со склада. По возвращении реестр и документы, полученные там, отдашь мне. Отделение дивизии находится в Соломоновке. Там найдёшь.

Соломоновка расположилась приблизительно в двух километрах от нашего местонахождения. Как только выходишь из леса, так сразу же виднеются старые крыши домов. Перед входом в деревню вновь вспомнил иронический взгляд сержанта. «Ничего, когда-нибудь он изменит своё мнение», – думал я, направляясь в глубь деревни.

Во всех уцелевших домах деревни расположились военные. Я вручил по назначению все пакеты, кроме четвёртого. Четвёртое отделение находилось не здесь.

Я заметил, что в домах земляной пол. И ещё, что меня крайне удивило – не было ни одной бани. В каждом доме стоит большая русская печь. Возле стены огромная приколоченная скамья. В середине избы находится стол с толстыми ножками. Ровный земляной пол сначала обрызгивают водой, а затем тщательно метут. В наших краях таких домов с земляным полом вообще нет, поэтому они показались мне странными.

Я направился в лес искать четвёртое отделение. Мне объяснили, что оно находится в лесу в юго-западном направлении в трёх километрах от Соломоновки.

Это была небольшая землянка, сооружённая из тонких стволов мелких деревьев, покрытая снаружи землёй. Поросшую травой землянку сразу и не заметишь.

В землянке за столом сидели четверо военных. За ними у телефонного аппарата находился старшина. А между двумя сержантами сидела небольшого роста, в должности младшего сержанта миловидная девушка лет восемнадцати – двадцати. Судя по бумагам, которые лежали на столе, работы им хватало. Я вручил пакет старшине. В это время один из писарей, не поднимая от бумаг головы, спросил:

– Сегодня 1 сентября, да?

– Да, сегодня 1 сентября, – ответил старшина, – начало учебного года. Моя дочка должна пойти в первый класс.

– Я должен был пойти сегодня в институт, – сказал сержант, который был моложе остальных. – Война нарушила все планы. Кто бы мог подумать, что вместо учёбы на втором курсе, буду сидеть в тёмной землянке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.